

Нежность

«Зачем мы?» — спрашивает тебя восьмилетний сын. А десятилетняя дочь: «Почему я — это я, а не кто-то другой?» Оказывается, вот о чем эта мелюзга думает по дороге в школу. Ты по инерции продолжаешь считать, что их корм — лишь приносимое тобой в клюве, однако они уже лицом к лицу — с вечным. Сами, без тебя. Успели испугаться или нет? В эти секунды они задают вопросы, но все оставшееся время — до и после — сами, один на один с вечностью, без тебя, папочка, или, как они говорят, «пуся».

Каждый из них, засыпая, тихо-тихо просит: «Посиди со мной». Им сейчас так спокойней, чтоб ты сидел рядом — надежда и опора. Чисто умозрительно их знание о том, что защита эта враз может быть сдута вселенским холодом. Дитя кладет твою ладонь себе на щеку: «Давай пушиститься»!

Вот он — промысел Божий, в этом глотке бытия, ибо ничего нет выше нежности. Неужели человеку нужно больше, чем нежность? Что еще, кроме нежности, нужно ему?

А нежность — это горнее или земное? И если кому-то Господь не дает ее здесь, то почему: из любви или в наказание?

Но ведь и дарованная земная нежность — временна, и ее утрата ведет к страданию. Дети вырастают и уходят, родители старятся и уходят, жена уходит к другому, возлюбленная уезжает навсегда. Зачем ты ищешь опоры на земле? Почему ты взыскуешь небесной нежности паче земной? Помнишь ли всегда, даже в миг высочайшей ласки земной, что вечная опора твоя — горняя нежность? Тверди: «Как хорошо с Тобой, как плохо без тебя, Господи!» Иначе — сойдешь с ума, лишившись земного. Ведь и дети твои, и женщина твоя — иные сущности, сами себе — воли, и не ты, в конце концов, окажешься самым важным в их жизни.

А ты и сам — не лишаешь ли каждого из них своей нежности? Погладил дитенка — и оставил сей миг мать свою. Обнял любимую — и отстранился от ребенка. Если лишение нежности есть зло, то мы остаемся в замкнутом круге зла, отстраняясь от одной личности ради другой. Если лишение нежности есть зло, тогда гений и злодейство — все-таки совместны, ибо где ж тот гений, что включен неизменно в круг горней нежности и никогда не теряет и капли любви ко всему миру, приближаясь к одному, частному человеку? «Простите все, любившие меня, я не всегда платил вам полной мерой...» — я, слабый, написал эти строки, почувствовав невозможность обогреть вселенную одной слабой свечечкой.

О самовыражении

В чем печальный парадокс современного литератора?

Пытаясь вгрызаться в «словесное мясо», уходя все глубже, как ему кажется, и глубже, достигая известного (или неизвестного доселе) изощрения, щекоча свои личные центры кайфа (а других, внеличных, критериев, как он уверяет, у него нет), сочинитель все больше отдаляется от всех окружающих. И чем интенсивней и, с позволения сказать, эффективней его

достижения, тем меньше у него шансов на стороннее понимание и, следовательно, диалог.

Оставаясь на острие своего нарциссизма, сочинитель пытается уверить себя в том, что именно в этом и есть его конечная цель, то есть в самовыражении (какое, однако, самонадеянное и эгоцентрическое слово!), что ему «на самом-то деле» никто из живых и не нужен, что, может быть, его поймут потомки, и что, в любом случае, сейчас он говорит с мирозданием. Эта традиция самопогруженности близка буддистскому взгляду на мир, но с точки зрения христианской она лишена сострадательности, любви, приязни к ближнему.

Как примирить две эти оппозиции? Не знаю. Хорошо знаю только, что, с одной стороны, сам являюсь вполне отчетливым носителем такого начала, а с другой — что оно мне ненавистно (следовательно, как в себе, так и в окружающих). Хотелось бы надеяться, что констатация факта есть первое приближение к осознанию, сиречь началу преодоления.

У меня наметилось подозрение, что если не нашел общего языка (в том или ином виде, хоть в малости) с современниками, то не найдешь его нигде и никогда в перспективе.

Самодовлеющий эгоцентризм, самозамкнутость, герметизм современных сочинителей, истончившихся в стилистике, возводящих в абсолют поиск «новых» просодий, тропов и образов (что естественно — для новичка, осваивающего основы мастерства, но мастеру-то должно быть ясно, что не может быть «земных новостей», если в них отсутствуют «новости горние») являют духовную незрелость, инфантилизм, негармоничность, заслуживающих, впрочем, быть может, не осуждения, а, в первую очередь, сострадания.

Как Врубель в Рублёве

Чичибабинская строка «как Врубель в Рублёве...» — очень точна.

Страстное, то есть недоразвитое, малое, темное (аггельское) вмещается в над-страстном, светлом — его претворенной составляющей. Прежде отпавшее от Света, но вновь пронизанное Светом, преобразуясь, становится частью Света.

Эрос

Мне всегда нравились женщины «серенькие», прекрасные, как воробьи, проявляющие себя неактивно, скрытно. Убежден, что в женщине, одетой в длинное платье с каким-нибудь небольшим кружевным воротничком, быть может, повязанной платочком, эротика неизмеримо больше, чем в бабище с выставленными напоказ половыми признаками. Чего доброго — как нынче водится на экранах и страницах, — с помощью искусственно увеличенных до непотребных размеров молочных желез или с голым пупком (но не в восточном беллидансе, а маршрутном такси), а то и с тесемками исподнего, выставляемого над низко приспущенными штанцами.

В целомудрии гораздо больше эротика, чем в вульгарной, нарочитой демонстрации похоти, в прокламации пола. Это очевидно. Активная демонстрация «женского», пожалуй, прямо асексуальна. Да еще и отвратительна — тем, что уводит созерцателя (да и демонстрирующую) от главного, уверяя в отсутствии души в показываемой личности. Пол в такой подаче вытесняет, устранивает душу.

Убежден, что значительному большинству женщин, работающих в стриптизе, порнобизнесе внутренне чуждо то, что они делают (за исключением эксгибиционисток). Просто так принято: считать, что мужчинам именно это нужно, что мужчины за это платят деньги. Странно, что и многие мужчины потакают этому уродливому представлению. Уж им-то — должно быть наверняка виднее, яснее, понятнее. Что ж вы, мужчины? Или все-таки мужики понимают, что за деньги можно купить только это, а вот то, главное, все равно не купишь, и идут на такой примитивный компромисс с собой, забывая или отгоняя от себя мысль, что тем самым убивают в себе и в этих женщинах надежду на любовь.

Всю эту гниль и прель

Возвращаясь с дачи, шествуя на электричку с рюкзаком, в котором булькали десять литров колодезной воды, увидел сквозь пустую березовую рощу (чего никогда не видно в летнее время)

ожный склон оврага, еще весь в снегу, с небольшими проталинами у подножия деревьев. (А северный склон — совершенно чист, снег уже сошел, и теперь по нему повсеместно видны лишь старая трава да прошлогодняя листва.) На вершине оврага, где, почти нависая, стоит Карачевская школа, извечные пацаны пинали мяч, неизменно в любую пору радуя меня тем, что не нюхают где-то в подвале отраву, а вот, поди ж ты, «гуляют у хвутбол чи баскетбол».

Цветовая палитра и сюжет явившейся картины: серое на сером, с черным и белым, с голыми ветвями и играющими мальцами — напомнили мне любимого Брейгеля Старшего.

Художник (имеющий глаза, видящий и запечатлевающий), вот это ты и хотел бы оставить для вечности, затвердить в веках? Именно эту, непередаваемую, ускользающую серо-серость дня, сквозящую в пустых ветвях, этот сиюминутный мячик (в который, как помним, пообещал продолжать играть даже накануне конца света мальчик, ставший впоследствии святым), всю эту гниль и прель?

И в этом — красота мира, неповторимый его темпоритм, свободно и спокойно проникающий в вечность, остающийся там — для всех иных, как подарок какого-нибудь мимолетного Брейгеля.

Снова о самовыражении

Не кажется ли, что наша игра в самовыражение затянулась? И пора уяснить, что тот кайф, который мы стремимся заполучить от совпадения наших замысла и результата, может порадовать только самого автора и — максимум — «от двух до пяти» гурманов-сообщников, чья изошренная психика способна переваривать, как наркоман на игле, только нечто «новенькое» и частное и уже не в силах воспринимать простое, понятное, всеобщее.

Субъективные ощущения сочинителя, этой «вещи в себе», не колышут ровным счетом никого, да и не должны волновать. «В сухой остаток» творчества должно выпадать только то, что может стать достоянием многих (об этом говорил Глинка: «Писать музыку, равно докладную как знатокам, так и простой публике»), разлиться по сосудам, быть воспринятым.

И это возможно (и даже легко исполнимо) лишь при одном «небольшом», но непременном условии: наличии любви. Не самолюбования эго, чувственного до извращения, а — любви. Да, той самой, о которой сказаны, пожалуй, величайшие человеческие слова. Я имею в виду, конечно же, 13-ю главу «Первого послания коринфянам апостола Павла»: «Если я говорю голосами человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий».

В нашем случае тут уже вполне можно остановиться, однако я продолжу: «Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, нет мне в том никакой пользы».

Не правда ли, потрясающе, такого человечеству никто до ап. Павла не говорил. Да, кажется, и потом не сказал: даже «всей веры» недостаточно без любви!!!

Радостно вслушиваюсь в простую и веселую фразу преп. Амвросия Оптинского «Где просто — там ангелов со сто, а где мудро — там ни одного», и мне — весело! И обе рифмы — сложная и бедная — в этой фразе мне веселы!

Я понял, что ко мне возвращается способность непосредственно (неразвито?), по-детски воспринимать чужую мысль и речь, как это свойственно всем так называемым простым людям, и я воспринимаю это возвращение как Божью благодать, как освобождение от наважденья.

Друзья подсовывают мне «Аду» Набокова, я прочитываю 50-70 страниц и возвращаю книгу, поскольку уже утомился и от художественной, и от литературы, ибо это есть состояния промежуточные, а душа взыскует горнего. Я уже устал от кочующих из книги в книгу мировой светской литературы больных эго, поданных под разными углами, разными соусами, а все суть одно, все та ж дурная бесконечность.

Нам говорят, что литература тенденций — не подлинна, второстепенна, а вот есть, дескать, «чистое искусство». Помилуйте, братья и сестры, где вы его видели, то самое «чистое искусство»? Где произносят слово, там всегда наличествует тенденция. Другое дело — какая.

Я даже так заострю тезис: слово есть тенденция.

В какую сторону обращен лицом говорящий: к Господу или врагу Его? И «единого прекрасного жрецы» — по Александру Сергеевичу и брату его Моцарту — се жрецы не «искусства для искусства», а жрецы Прекрасного, что есть синоним (ипостась) Славы Божией.

А мы — норовим искать какой-то «свой» язык, какую-то свою «самобытную стилистику», забывая, во-первых, что все уже было, а во-вторых, зачем она нужна, если не служит общему? Чтобы говорить? Что? Или — просто говорить, ради самого говорения? Но — зачем? Это же — умножение дурной бесконечности, грех многоглаголения. Устремлением, конечной целью Слова может служить только его понятный и онтологически естественный предел — благое молчание в умной молитве. Вот где игра игр, если угодно, слово слов!

И я читаю Иоанна Лествичника да Ефрема Сирина, и душа поет — от близости Главного.

Амбиции и жертвы

У Евгения Евтушенко, выступление которого я слушал, будучи участником Международного конгресса «Русская литература в мировом контексте» (Москва, декабрь 2004, г-ца «Космос»), прозвучал такой оборот: «Амбиции полководцев, которые ведут к тысячам жертв». Я тогда ухватился за эту, в общем-то, очевидную мысль, подумав, что любые амбиции, не только полководческие, ведут к жертвам. Это аксиома.

Но что если в параллель к амбициям полководцев помыслить об амбициях, скажем, литераторов, в первую очередь стихотворцев: не ведут ли их амбиции к столь же неисчислимым жертвам? Ну, может, и не физическим, а душевным. Если к тому же учесть тысячекратно цитировавшиеся слова того же Евтушенко: «Поэт в России — больше, чем поэт». Значит, и последствия его деятельности — больше, чем поэтические?

Вопрос: те слова, «до важного самого», что произносит поэт, искупят ли его грешность, а также последствия этих слов, спровоцированные им в мире? Очевиден ли перевес, условно говоря,

«пользы»? Не «презренной пользы», поработившей нас, о которой говорил пушкинский Моцарт, а пользы духовной, которая взвешивается на мировых весах.

Наверное, у кого как.

Замечательно у Олега Чухонцева в стихотворении о Державине: «И глядь — на мировых весах/нас недоносок перевесит».

Шостакович и Платонов

Смотрели с Аней фильм из кинематографической классики 1930-х, полуноемой еще — кажется, Козинцева и Трауберга, с молодым Сергеем Герасимовым в одной из главных ролей. Из тех лент, где кинематографическая плоть явлена без речи, в какой-то высшей пластической форме. Музыка Шостаковича, с песнями на стихи чуть ли не Заболоцкого, периода его «Столбцов».

И мне подумалось, что существует отчетливая связь: «Шостакович и Платонов».

Интересно, что Дмитрий Шостакович, невероятно саркастический человек, иногда, кажется, открыто издевавшийся над издержками советского строя, оказался не столь уж и подвергнут репрессиям. Строго говоря, выжил. А вот писателя Андрея Платонова придавили.

В чем тут загвоздка? Только ли в том, что Шостакович был известен всему миру, и расправиться с ним было не так просто?

Или в том, что стороннему, обывательскому уху легче «понять» (или подумать, что понимает), разоблачить слово, чем музыку?

Шостакович писал гротескные сочинения, из имевшегося пафоса срывался на издевки, а его воспринимали (или, точнее, хотели воспринимать) как прославителя. Не поняли даже его антитоталитарную Седьмую симфонию, приняв известную тему нашествия за движение только коричневой чумы. Но ведь это полотно — о любой тоталитарной чуме, и, быть может, в первую очередь, о той, которую композитор чувствовал всем естеством, находясь внутри. Были сведения, что т. н. тему нашествия Шостакович написал в 1937 году.

Платонов же, будучи, несомненно, советским человеком в гораздо большей мере, чем Шостакович, оказался воспринятым властью как оппонент. Непостижимое и недостижимое величие духа Платонова — в том, что он-то и был подлинно (а может, единственно) советским, коммунистическим человеком, который, если перефразировать слова Гоголя о Пушкине, «явится нам через двести лет». Эти сарказм и антисарказм, ирония и противосмыкаются у Платонова в таком регистре, с таким накалом, так переплавляются и взаимосплавляются, что становятся неотделимы друг от друга. Златоуст Платонов ведет интенсивнейшую работу духа, сродную религиозным аскетам. В результате такой творческой, духовной работы он захлопывается, как черная дыра, контакт с ним извне, кажется, становится невозможным.

В известной мере это присуще и Шостаковичу. Видимо, в той, в какой Богу равно угодны гений (разумеется, несовместный со злодейством) и святой.

Но, повторюсь, зазор меж Шостаковичем-индивидом и Советской властью (коллективом) был большим, чем у Платонова.

Скорее всего, общность «Шостакович и Платонов», показавшаяся мне откровением, вполне очевидна и уже кем-то возделывается в исследованиях. Может, кто-то когда-то напишет исследование на эту тему, интересную, если не сказать захватывающую — вдохновенный и величием духа этих созидателей (без сомнения, двух гениев XX века), и их высочайшими творческими, общечеловечески важными результатами.

Над речкой Уды

Сейчас ходил на источник за водой. Он находится возле станции Новоселовка, прямо у реки. Заводы стоят без работы, потому появилось много птиц. Пока шел над рекой, встретил и сойку, и соороку, и стайку воробьев (хотя прошел слух, что сорочья банда вытеснила группировку воробьев из города), и зяблика, и двух соловьев, и дикую утку с утятами, уже не желтенькими, а серенькими.

Но хочу сказать о соловье, который пел прямо у источника. Я с лесенки слушал его минут пятнадцать, он находился метрах

в пяти от меня. Витиеватые, забавные рулады этого серенького желтоклювика, имеющие простую природную цель — привлечь соловыху, вызывали у меня то улыбку, то даже смех. Но он не убоился моего ржания и веселия, а пел и пел. Надо признать, очень красиво, жизнепобудительно. Иоанн Златоуст, говоря об утешительном пении птиц, абсолютно прав.

В какой-то момент откуда-то из реки послышался лягушачий чвирк — громкий, низкий. Тоже соло. Они как бы соревновались в моем ухе. Полагаю, не слыша друг друга.

Я подумал о разности отпущенной меры дарования: все-таки у соловья КРАСИВО, а у лягуха, хоть и самозабвенно и тоже жизнеутверждающе, но не столь уж... Было смешно, когда они, словно два антифонных истока, перекликались, пасуясь в тишине над рекой.

Понятно, что для лягушачьей самки пение этого крупного низкочастотного персонажа есть высшая музыка, музыка любви. Слаще и гармоничней она ничего в жизни не слышала и не слушала бы. Заслушалась, небось, лапушка (а то и не одна). Понятно, что соловья она оценить не может и даже, пожалуй, не слышит вообще.

Вот я думал: а существует ли вне моего субъективизма абсолютная шкала красоты такого пения — соловьиного и лягушачьего?

Ю. Г. Милославский в электронном письме прокомментировал мое вопрошание так: «С воробьями сейчас везде сложно, так что ни о каких стаях криминальных сорок и речи нет. Популяция воробьев, казалось бы, самых живучих в кошмарных подчеловеческих условиях птиц, во всем мире резко уменьшается. Что-то людишки еще натворили, видать. Я вот тоже, как посмотрю на редкие подобные местечки, так и подумаю: не пройдет и десяти лет, как «цивилизация» самозамочится, — и все, Бог даст, зарастет, зацветет, приумножится и запоет. Перемелется — и рай Божий будет.

Насчет лягушки и соловья. Это Вы, брате, пожалуй, антропоморфно подошли к вопросу. И тот и другой прекрасно друг друга слышат, понимают и принимают. И нечего нам с нашей вкусовщиной соваться. И лягуха, и соловей прекрасные исполнители. Просто нам соловей ближе».

Сила молитвы

Направляясь на лесное лыжное катание, я возле подъезда столкнулся с двумя божеватыми персонами, которые почему-то принялись обсуждать мое появление. Через семь минут на ж/д платформе рядом со мной оказались еще два такого же вида «уксуса», хотя всего на платформе было не более десяти человек. В пустом тамбуре полупустой электрички за двенадцать минут езды рядом со мной возникли еще два аналогичных персонажа. Внятно проявлялись признаки некоего отчетливого рения, которое я никак объяснить не мог. То ли приют какой открыл двери выпускникам, то ли сильно потеплело.

Откатавшись, «я из лесу вышел» и, поднимаясь к станции Покотиловка по крутой горке, неся лыжи на плече, по привычке принялся читать, чуть шепча, Серафимово правило: три раза «Отче наш», три раза «Богородице, Дево» и один раз Символ веры. На переломе горки, метрах в тридцати от платформы, которая оставалась пока еще существенно выше меня, читая второй раз «Отче наш», я вдруг услышал хриплый и жесткий выкрик: «Не базарь!» Продолжая читать, так сказать, поверх барьеров и размышлений, я увидел, что по пустой платформе очень быстро идет худой человек с полиэтиленовым пакетом в руке, в куртке с темным капюшоном, закрывавшем его глаза. Он был повернут ко мне в пол-оборота, и я подумал, что он кричит кому-то догонявшему. Но он был один — вверху, надо мной, в общем, недалеко. Один был и я. «Я сказал: не базарь!» — еще более страшным, низким голосом крикнул он; я подумал, что это нарик, алкан или псих, что он все-таки обращается ко мне, и что, похоже, сегодня все-таки физического столкновения избежать не удастся. Я стал натягивать перчатку на правую руку, мой внутренний молитвенный поток пресекся, и тут он крикнул мне в третий, последний раз: «Ну вот так!» — стремительнейшим образом убегая вдаль по платформе.

Имея обыкновение винить во всем сначала себя, я сперва подумал, что этот сверхчувствительный человек издали упрекнул меня в рассеянии ума — что я, грешник, неправильно молюсь. Или вообще, слишком много «базарю по жизни». Мелькнуло

соображение, что это мог быть разговор по невидимой мне мобильной гарнитуре. Однако кричавший всякий раз поворачивался ко мне не лицом даже, а телом.

Но я вспомнил этот голос, его тембр и характерную интонацию! Именно так кричала худенькая маленькая женщина на вычитке в Троицком соборе Почаевской лавры, куда мы пришли днем 15 августа 2004 г. «Не ты посадил, не тебе выгонять, падла!» — таким же страшным басом орала она батюшке.

Так же жутко заорала тетка, с которой поравнялась процессия, несшая честные мощи святителя Иоасафа Белгородского, при повороте на Соборную площадь Белгорода 17 сентября 2011 г., в день 100-летия прославления святителя. Я шел тогда в двух метрах слева от кипарисового ларца с мощами святителя, который несло белгородское священство, и вздрогнул от ее крика, не прекращавшегося, пока ларец не пронесли подальше.

Так же страшно, пугая, кричит Азазелло у М. Булгакова. «Маргарита вскочила первая, за нею Азазелло, последним мастер. Кухарка, застонав, хотела поднять руку для крестного знаменья, но Азазелло грозно закричал с седла: — Отрежу руку! — он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в черную тучу».

...Завершая молитвенное правило, я поднялся на платформу и увидел, что «капюшон» уже миновал ее, полувбежал в поселок и скрылся из виду.

Я хочу сказать: событие меня поразило прежде всего тем, что внутренняя молитва, даже при произнесении полурассеянным умом, в коем мы пребываем почти всегда в подобных ситуациях, может быть услышана на столь значительном расстоянии (хотя в мире духовном нет пространства) и столь воспринятой, то есть все-таки действенной.

Но если я так скажу, то мне справедливо ответят, что я впал в прелесть.

Спаси, Господи, люди Твоя!

Неголодный царь Давид

«Голодный художник творит лучше» — формула распространенная. Возможно, в чисто физиологическом смысле голод спо-

собствует каким-то творческим и иным созидательным порывам, тогда как сытость, как правило, их лишена. Отрицать пользы голода для духовной жизни мы не можем, изучив Евангелие и жизнеописания святых отцов.

Заработок как стимул сыграл свою роль и в творчестве, скажем, крупнейших мастеров Возрождения, знаменитые композиторы и художники (Моцарт, Бах, мастера Итальянского Возрождения и прочие) работали на заказ.

Однако связь между голодом и высокими творческими достижениями — не прямая (если она вообще имеется). Так же, как и в случае с «тоталитарными» и «демократическими» общественными устройствами — при каких условиях создано больше шедевров? Величайший поэт всех времен Царь Давид, оставивший нам непревзойденные псалмы (а это не только молитвы, но и произведения искусства, причем вокально-инструментального), явно не был человеком голодным.

Про любовь истинную

Шел сейчас с источника, нес воду меж домиками частного сектора. Навстречу мне по улочке шли, взявшись за руки, чернявый стриженный мальчишка лет восьми и девочка лет шести, почти на голову его ниже — с простым приятным лицом, большими глазищами, волосами-соломой, чуть закручивающимися вверх у плеч, в розовой футболочке и зеленых коротких штанцах. Шагах в трех от меня она ударилась о камень — мы знаем, как это больно, особенно если у босоножек нет носов — и подогнула ногу. Казалось, слезы остановились в ее глазах, не брызнули лишь потому, что рядом был этот спутник. Мальчишка наклонил к ней голову, прислонился своим лбом где-то между ее макушкой и лбом и замер на несколько секунд. А потом улыбнулся и сказал: «Ну что, уже не больно?!» Я, когда его услышал, когда увидел выражение его лица в тот момент, думал, что сам заплачу. А они уже пошли дальше — просветлев, улыбаясь, не разнимая рук, не видя меня.

Не имеет значения, кто он ей: брат (ничуть не похожи), друг, сосед, кавалер (хорошо помню, что и такое вполне возможно в этом возрасте). У него великое сердце, у этого мальчика. Ему

отпущена большая мера любви и сострадания. И, что немаловажно, он умеет выразить свое чувство.

Какое счастье, что есть на свете такие дети, и какой немалый подарок, что сегодня я был свидетелем такого великого события!

Половина собаки

Человечество идет семимильными шагами в ад.

Когда мы читали у Маяковского: «Бывает так: увидишь собачонку, вон у булочной — одна сплошная плешь, так из самого себя готов достать печенку: мне не жалко, дорогая, ешь!» (цитирую по памяти) — когда мы читали у Бунина: «Камин за топлю, буду пить, хорошо бы собаку купить» (1903) — когда мы читали у Есенина «Собаке Качалова»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, Такую лапу не видал я сроду, Давай с тобой полаем при луне На тихую, бесшумную погоду» — и — у него же — страшную «Песнь о собаке», где библейский зачин («Утром в ржаном закуте, Где златятся рогожи в ряд, Семерых оценила сука, Рыжих семерых щенят...»), иродово событие с убийством семи щенят и страшный финал («И глухо, как от подачи, Когда бросят ей камень в смех, Покатились глаза собачьи Золотыми звездами в снег»), когда мы читали у Дмитрия Сухарева «Мы дружим со слюнявым Адмиралом» и сонм его других замечательных стихов о собаке, когда мы сами писали о наших псах — Ирина Евса об огромных дворнягах Черном и Рыжем, 13-летняя Аня Минакова о том же Рыжем («Мокрый Рыжий смотрит пристально с кормы Ржавой яхты, водит носом по воде. Ты его ржаною коркой подкорми, псы на диво неразборчивы в еде...»), Андрей Дмитриев о русском спаниеле Кузе, я о мопсице Соне, — мы и вообразить не могли, что в 2014-м будут написаны такие строки:

Намечается новая драка,
Перерезана пуповина.
На соседском заборе — собака,
А вернее — ее половина.

По поселку стреляют с востока,
Вновь на прочность проходим проверку.
На оборванной линии с током
Провода коротят фейерверком.

Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...

Слышал здесь я и правду, и враки,
Видел здесь и Христа, и Иуду,
Но глаза половины собаки
Я навряд ли когда-то забуду...

(Александр Морозов, Дебальцево).

***

Несколько дней назад скончался поэт Сергей Васильев (Волгоград), 60 лет. Велика Русь, таланты в ней ведут полукатакомбное существование, мрут по разным причинам (в последние годы ушли Михаил Анищенко (Самара), Игорь Царев, Игорь Меламед (Москва), Анатолий Соколов (Новосибирск), а публично — третья, как пена, преимущественно повсеместная муть разного свойства. Народ глядит на ТВ, в СМИ, хрен знает еще куда он глядит, и думает: о! — наше искусство.

1 февраля 2016

Донос

Вот так живешь и «на людей» дивишься. А потом глянешь в историю, а там Иван Иванович Пушин, друг и однокурсник Александра Сергеевича Пушкина по Императорскому Царско-сельскому лицу, коллежский асессор, строчит доносы и сам сочиняет приговор (!) на героя Отечественной войны, соратника генерала-партизана Дениса Васильевича Давыдова полковника Александра Александровича Алябьева, любителя музицирования

(романс «Соловей» на слова барона Антона Антоновича Дельвига, «Вечерний звон» на слова Ивана Ивановича Козлова и др.). И в результате, даже со снятыми по суду ложными обвинениями в убийстве, воин и композитор все равно отправляется Государем Николаем I Павловичем в сибирскую ссылку, лишенный дворянства, наград, состояния.

Может, все дело в том, что Пущин был декабрист, а Алябьев — воин?

Последование ко Святому Причащению и Пушкин

В Последовании ко Святому Причащению в Песне 5-й есть такие слова: «Слове Божий и Боже, уголь Тела Твоего да будет мне помраченному в просвещение, и очищение оскверненной души моей Кровь Твоя».

А в Песне 7-й: «Трепещу, приемля огонь, да не опалюся яко воск и яко трава...»

И в Песне 9-й: «Якоже огонь да будет ми, и яко свет, Тело Твое и Кровь, Спасе мой, пречестная, опаляя греховное вещество, сжигая же страстей терние, и всего мя просвещая, поклонятися Божеству Твоему».

И вот сочинение:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.

Наверняка ведь уже было замечено, что слова в пушкинском «Пророке» (1826) свидетельствуют о глубокой укорененности Пушкина в Православии?

Или сказано лишь, что в «Пророке» автор трепещет по поводу восстания декабристов, «высмеивает самодержавие и народность»?

Не охнула бы

Алексей Степанович Хомяков: «Если бы мир славянский был каким-нибудь землетрясением поглощен, Европа и не охнула бы. Все сочувствие, ею нам изредка оказываемое, есть или чистое лицемерие, или следствие каких-нибудь своекорыстных видов. Безумны те из наших братьев, которые ищут сочувствие вне нас».

Гениальная адекватность, пронизательность и трезвость. ПОЧЕМУ в результате столько дерьма ведрами хлебаем, все полтора столетия после Хомякова, а то уже и два? И разгром либероидного любимца, Наполеона, не помог вразумлению. Что за хворь такая — подобострастия перед Западом? У малороссов это вообще выражено в крайне идиотических формах.

Проводники

«Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Это из известного письма двадцатишестилетнего А. С. Пушкина своему другу П. А. Вяземскому, из Михайловского.

Возможно, к пониманию этого высказывания прольет свет суждение нашего современника, известного московского композитора Владимира Дашкевича, который утверждает, что поэты (и шире, вообще художники) есть проводники высоких энергий, и их психика зачастую не справляется с удержанием этих энергий, что мы знаем по немалому числу биографических фактов.